

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

Памяти А. Л. Шемякина

(1960–2018)

Институт славяноведения РАН
Институт новейшей истории Сербии (Белград)

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

Памяти А. Л. Шемякина
(1960–2018)

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94
ББК 63.3(4)
Ч391

 ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.
Проект № 19-09-00163

Авторы:

*А. С. Аникеев, М. В. Белов, А. В. Ганин, Н. С. Гусев, Н. М. Куренная,
Ю. В. Лобачева, А. В. Морохин, К. В. Никифоров, Н. С. Пилько,
Е. П. Серапионова, А. А. Силкин, С. З. Случ, Н. Н. Станков, А. С. Стъяалин,
А. Ю. Тимофеев, О. В. Хаванова, В. Б. Хлебникова, А. Л. Шемякин,
Г. Н. Энгельгардт*

Редколлегия:

*А. А. Силкин (ответственный редактор), Е. П. Серапионова,
Ю. В. Лобачева, А. Ю. Тимофеев*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ярослав Валерианович Вишняков*
кандидат исторических наук *Борис Сергеевич Новосельцев*

Редактор:

Л. А. Авакова

Ч391 **Человек на Балканах.** Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А. А. Силкина, Е. П. Серапионовой, Ю. В. Лобачевой, А. Ю. Тимофеева. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-4469-1772-3

DOI 10.31168/4469-1772-3

Коллективный труд посвящен памяти сотрудника Института славяноведения РАН Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). В работах рассмотрены вопросы истории славянских народов и России в XVIII–XXI вв., а также научный вклад А. Л. Шемякина. Авторами выступили сотрудники Института славяноведения РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Института новейшей истории Сербии (Белград). Книга продолжает инициированный А. Л. Шемякиным научный проект «Человек на Балканах» (2002–2016), в фокусе которого находился процесс модернизации на Балканах в Новое время (после 1878 г.).

ISBN 978-5-4469-1772-3

9 785446 917723

© Институт славяноведения РАН, 2020
© Институт новейшей истории Сербии, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Обложка П. К. Донской, И. А. Тимофеев, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Содержание

Предисловие	7
<i>Андрей Леонидович Шемякин</i> Сербь в Австро-Венгрии	11
<i>Ольга Владимировна Хаванова</i> Рождение цесаревича Павла Петровича и символическая коммуникация между Санкт-Петербургским и венским дворами	50
<i>Алексей Владимирович Морохин</i> «До зела снедаемая ревнованием и завистию»: протоиерей Андрей Самборский о пребывании в Венгрии великой княгини Александры Павловны	69
<i>Юлия Владимировна Лобачева</i> Сербские женщины в путевых очерках П. А. Ровинского	96
<i>Варвара Борисовна Хлебникова</i> Традиционное сербское общество на стыке эпох. П. А. Ровинский о социальных типах в княжестве в конце 60-х годов XIX века	128
<i>Надежда Сергеевна Пилько</i> Формирование словенского национального самосознания и словенской национальной идеи	145
<i>Никита Сергеевич Гусев</i> Сербия в «Правде о войне на Балканах» Н. И. Гасфельда	162
<i>Алексей Юрьевич Тимофеев</i> Поездка сербского митрополита Димитрия на празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г.	174

Наталья Михайловна Куренная

Солдатские письма Великой войны: К. Чуковский
 «Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне» (1915)..... 185

Андрей Владиславович Ганин

«Материал для будущего историка, который займется составлением
 правдивой истории нашего Генерального штаба»: Обзор переписки
 генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова о роли офицеров Генерального
 штаба в революции и Гражданской войне 196

Александр Александрович Силкин

Сербские политические партии и конституционный вопрос
 в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1921)..... 216

Николай Николаевич Станков

Королевство сербов, хорватов и словенцев в документах советских
 представительств в Праге в первой половине 1920-х гг..... 256

Елена Павловна Серапионова

Русские о Праге, Чехословакии и чехах (1920–1930-е гг.)..... 292

Сергей Зиновьевич Случ

Польский аспект во внешней политике СССР в 1939 году
 и некоторые вопросы международного права..... 314

Константин Владимирович Никифоров

Полупарламентная парламентская система в Сербии..... 341

Анатолий Семенович Аникеев

Балканы и Средиземноморье в послевоенной политике СССР.
 1944–1954 гг. 350

Александр Сергеевич Стыкалин

«Небольшой холодок, имевший место в начале пребывания делегации,
 был позднее рассеян сердечным приемом...»: посещение делегацией
 югославских ученых Советского Союза в момент нового обострения
 отношений СССР и ФНРЮ (май 1958 г.) 372

Георгий Николаевич Энгельгардт

Милорад Додик — первые контакты с Россией..... 403

Михаил Валерьевич Белов

Русские и сербы во взаимных представлениях:
 исследовательский диалог А. Л. Шемякина и М. Йовановича 416

Summary 428

Сведения об авторах 429

Contents

Foreword	7
<i>Andrey L. Shemyakin</i> Serbs in Austria-Hungary	11
<i>Olga V. Khavanova</i> The Birth of Grand Duke Pavel Petrovich and symbolic communication between the St. Petersburg and Vienna courts.....	50
<i>Alexey V. Morokhin</i> Archpriest Andrei Samborsky on the stay in Hungary of Grand Duchess Alexandra Pavlovna	69
<i>Yulia V. Lobacheva</i> Serbian women in the travel notes of Pavel Rovinsky	96
<i>Varvara B. Khlebnikova</i> Traditional Serbian society in an era of change. Pavel Rovinsky on social types in the Principality in the late 1860s.	128
<i>Nadezhda S. Pilko</i> The Slovenian national idea and the making of Slovenian national identity.....	145
<i>Nikita S. Gusev</i> Serbia in “The truth about the war in the Balkans” by Nikolai Gasfeld	162
<i>Alexey Yu. Timofeyev</i> The visit of the Serbian Metropolitan Demetrius to the celebration of the tricentennial anniversary of the House of Romanov in 1913.....	174
<i>Natalia M. Kurennaya</i> Soldiers’ letters from the Great War: Kornei Chukovsky’s “The silent ones spoke...Tommy Atkins in the war” (1915).....	185

<i>Andrey V. Ganin</i>	
“Materials for a future historian who would write a true history of our General Staff”. The review of Lieutenant General Petr Averyanov’s correspondence on the role of the General Staff officers in the Revolution and Civil War	196
<i>Alexander A. Silkin</i>	
Serbian political parties and the constitutional issue in the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes (1918–1921).....	216
<i>Nikolai N. Stankov</i>	
The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in the documents of the Soviet missions in Prague in the first half of the 1920s.....	256
<i>Elena P. Serapionova</i>	
Russians on Prague, Czechoslovakia and the Czechs (in the 1920s and 1930s)	292
<i>Sergei Z. Sluch</i>	
The Polish aspect of Soviet foreign policy in 1939 and some problems with international law.....	314
<i>Konstantin V. Nikiforov</i>	
The one-and-a-half-party parliamentary system in Serbia.....	341
<i>Anatolii S. Anikeev</i>	
The Balkans and Mediterranean in the post-war politics of the USSR, 1944–1954	350
<i>Alexander S. Stykalin</i>	
“The coolness we first experienced was soon dispelled by the cordial welcome...”. The visit of the delegation of Yugoslavian academicians to the USSR in the middle of a new conflict escalation between the USSR and Tito’s Yugoslavia (May 1958).....	372
<i>Georgi N. Engelhardt</i>	
Milorad Dodik’s first contacts with Russia	403
<i>Mikhail V. Belov</i>	
Russians, Serbs, and their mutual perceptions: an academic dialogue between Andrey Shemyakin and Miroslav Jovanović.....	416
Summary	428
Сведения об авторах	429

Предисловие

Книга представляет собой печатный результат конференции, состоявшейся в марте 2019 г. и посвященной памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). Памяти нашего друга, учителя, коллеги...

Жанр мемориального очерка подразумевает приведение статистики, позволяющей оценить продуктивность ученого. Андрей Леонидович за годы работы в Институте славяноведения РАН (с 1989 г.) опубликовал около двухсот работ. Это в принципе много или мало? Перефразируя известный анекдот про С. М. Буденного, — это смотря какая работа.

В случае с Шемякиным имеется более объективный критерий, который позволяет определить его научный вес и который едва ли кому-либо удастся поставить под сомнение. А именно: со второй половины 1990-х гг. он представлял собой лицо отечественной сербистики. В России и не только. Немногие из современных коллег-балканистов могут похвастать столь значимой ролью, которую Шемякин играл в научной жизни «страны изучения». Роль эта подразумевала беспрецедентное знание историографии и источников — российских и сербских, блестящее владение сербским языком, устным и письменным, на котором выходили многочисленные работы — монографии, статьи, сборники документов. Другими словами, с точки зрения научной эрудиции, глубины осмысления исторического прошлого и убедительности аргументации он был наголову выше всех, кто занимался тем же периодом и схожей тематикой. Однако большое видится на расстоянии, поэтому будущие поколения славистов, наверное, более трезво оценят научный вклад А. Л. Шемякина.

Что касается совокупности написанного им, то оно посвящено нескольким широким проблемам: государственно-политическому и социокультурному развитию Сербии и Балкан в последней четверти XIX в. — начале XX в.; официально-дипломатическому и общественному аспектам русско-сербских отношений того же времени; роли Сербии в Первой мировой войне; взаимоотношениям сербов с остальными югославянскими народами и процессу образования Югославии.

Центральное место в шемякинской библиографии занимает Никола Пашич, которому посвящены две монографии: «Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883)» (М., 1993) и «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)» (М., 1998). Отношение Андрея Ленидовича к своему главному герою эталонно, с точки зрения научного подхода к историческим личностям. Сами по себе их биографии и индивидуальные качества очень редко могут считаться проблемой, заслуживающей монографического исследования. Понимая это, А. Л. Шемякин преподносит лидера радикалов, прежде всего, как человека своего времени и окружения, как воплощение определенных черт и устремлений сербского народа. Показательно, что в приведенном заголовке книги имя Николы Пашича фигурирует не в именительном, а в родительном падеже, то есть в связи с его идеологией. Та, по словам автора, «не просто мировоззрение отдельно взятого политика», а «индикатор целой общественной тенденции». Или, другими словами, «реакция сербского аграрного общества на вызов эпохи»¹.

Развитию сербского социума в 1878–1914 гг., рассматриваемому в разных аспектах и в сопоставлении с аналогичными процессами в соседних странах, посвящены наиболее значимые из многочисленных статей Андрея Ленидовича — те, что вышли в рамках проекта, у которого мы позаимствовали название. Семь сборников статей и одна коллективная монография, объединенные заголовком «Человек на Балканах», стали плодом сотрудничества с Риттой Петровной Гришиной (1930–2015), с которой А. Л. Шемякина объединяло понимание, что «политическое поведение» балканских народов

¹ Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 12.

обусловлено их социо-этнокультурными особенностями. Без изучения оных нельзя объяснить логику и результаты пути, пройденного сербами, черногорцами и болгарами после обретения независимости.

За время проекта (2002–2016) вокруг его инициаторов сложилась большая группа исследователей-единомышленников, заинтересованных в «изучении особенностей модернизационных процессов в балканских странах»; выявлении «характерных проявлений ментальности “балканского человека”», а также «исследовании специфики формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью»². Решение перечисленных задач достигалось, по словам А. Л. Шемякина, посредством «нового для традиционного позитивистского дискурса инструментария», а именно — путем «привлечения данных из смежных с историей наук: этнологии, демографии, социологии, культурологии, имагологии»³.

В последнем, восьмом выпуске серии, вышедшем после смерти Риты Петровны, ее «напарник» пишет о научном значении «Человека на Балканах», которое видится ему в «ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран)» и «освобождении от сковывавших мысль умозрительных представлений». Главное же, по словам А. Л. Шемякина, что завершившийся проект «дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений — утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории»⁴. Мы же полагаем, что всё перечисленное лучшим образом описывает и личный вклад, и одновременно мотивацию самого Андрея Леонидовича как ученого.

Многие из тех, с кем он сотрудничал в рамках проекта, приняли участие в прошлогодней конференции и в настоящем сборнике. Поэтому мы недолго думали над его названием. «Присвоив» название, мы не претендуем на концептуальную стройность шемякинских/гришинских конференций и сборников. Другими словами, нет одной,

² Шемякин А. Л. Post Scriptum // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. Коллективная монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 395, 400.

³ Там же. С. 394.

⁴ Там же. С. 402.

хоть и широкой, темы или методологического подхода, которые объединяли бы представленные тексты. Полагаем, что в нашем случае достаточно того, что редколлегия и авторы разделяют научное кредо, которому были привержены «родители» «Человека на Балканах». Кроме того, Шемякин по-прежнему с нами. Он участвует в сборнике своим обширным очерком, который впервые публикуется в полном объеме⁵.

Редколлегия

⁵ Статья в сокращенном варианте опубликована в главах 3–5 коллективной монографии «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Очерки» / Ващенко М. С., Величко О. И., Дронов М. Ю., Ждановская А. А., Кирилина Л. А., Клопова М. Э., Новосельцева Л. К., Пахомова Л. Ю., Попов К. А., Романенко С. А., Стыкалин А. С., Хаванова О. В., Шемякин А. Л.; Под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018.

Андрей Леонидович Шемякин

Сербы в Австро-Венгрии¹

В результате глубокой национально-административной трансформации, которой в 1867 г. подверглась унитарная Австрийская империя, превратившись в дуалистическую Австро-Венгрию, и подписания год спустя венгеро-хорватского Соглашения («Нагодбы»), предоставившего Загребу ограниченную автономию в рамках королевства св. Стефана, «пречанские» сербы стали фактически «разделенным народом». Теперь они проживали в четырех областях, имевших различный государственно-юридический статус: в Королевстве Хорватия и Славония; бывшей Сербской Воеводине, т.е. трех южных комитатах Венгрии — Бачке, Баранье и Банате (Транслейтания); на Далматинском побережье (Цислейтания); а также в Военной границе — особом регионе, до 1881 г.² управлявшемся напрямую из Вены. Соответственно, и в политическом смысле сербы Австро-Венгрии не были интегрированы. На территории империи было столько же сербских политических партий, сколько и областей, в которых они проживали³.

¹ Статья в сокращенном варианте опубликована в главах 3–5 коллективной монографии «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Очерки» / Ващенко М. С., Величко О. И., Дронов М. Ю., Ждановская А. А., Кирилина Л. А., Клопова М. Э., Новосельцева Л. К., Пахомова Л. Ю., Попов К. А., Романенко С. А., Стыкалин А. С., Хаванова О. В., Шемякин А. Л.; Под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018.

² В 1881 г. демилитаризованная Военная граница с преимущественно сербским населением вошла в состав Гражданской (Банской) Хорватии.

³ *Кузьмичева Л. В.* Национально-политические проблемы сербов Воеводины в Австро-Венгрии после 1867 г. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы

Как видим, значительная часть сербского народа «по ту сторону Савы и Дуная» оказалась в венгерской части реформированной монархии Габсбургов — Транслейтании, превратившейся после 1867 г. в национальное государство венгров, поскольку Будапешт по новым правилам получал возможность независимо от Вены решать все проблемы своего внутреннего устройства, управления, законодательства и судопроизводства.

А потому центральным в политической повестке отныне становился не вопрос о правах личности, — все жители Австро-Венгрии уже «сравнились» перед судом и законом, — но о положении и правах национальных групп. Ведь в «современном» (modern) национальном государстве любому, кто (коллективно или индивидуально) состоял вне титульной нации, предстояло «расплавиться» в едином тигле правящего «политического народа». А, между тем, непосредственные соседи венгров, многие из которых лишь недавно пережили эпоху национального «пробуждения» и возрождения, прочно осознав свою идентичность в пестром этническом море империи, совсем не желали для себя подобной участи. В первую очередь, сербы — с их наследием XVIII в., опытом революции 1848–1849 гг., численностью — отнюдь не являлись подходящим материалом для ассимиляции. Не только культурно-политические элиты, но и широкие массы четко фиксировали (иногда преувеличивая) эту возможную угрозу и боролись с ней, как могли, на протяжении всего периода дуализма⁴.

1. Бывшая Воеводина

После подписания Соглашения 1867 г. сербы ликвидированной Воеводины остались в составе Венгерского королевства, лишённые административной автономии и права политического представительства. Лишь на нерегулярных народно-церковных соборах, уже не носивших былого политического характера, они могли выбирать своих общественных представителей, которые занимались исключительно религиозно-образовательными вопросами.

С введением системы дуализма положение нетитульных этносов венгерской части Дунайской монархии заметно ухудшилось.

и национальная специфика. М., 1997. С. 94.

⁴ *Ђирковић С.* Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 231.

Несмотря на то, что формально закон о равноправии национальностей 1868 г. гарантировал всем применение родного языка в школах, церкви и сфере местного управления, им признавался только один политический народ — венгерский. И после того, как в 1875 г. премьер-министром Венгрии стал граф Кальман Тиса, занимавший этот пост в течение 15 лет, мадьяризация невенгерского («непривилегированного») населения стала главным направлением деятельности ее политической элиты⁵.

Законами, принятыми венгерским Государственным собранием в 1868 г., были определены жесткие границы политико-правового поля Транслейтании, за которые функционирующие в нем сербы не смели не то чтобы выйти с предложением об обновлении Сербской Воеводины, но даже заикнуться о ней вслух. Повестка дня сербских народно-церковных соборов отныне законодательно исключала постановку вопроса о любом облике территориальной автономии, будучи сведена к религиозно-просветительным делам. В новых условиях деятельность всех культурно-политических институтов замышлялась в Будапеште так, чтобы они ни коим образом не могли воспрепятствовать реализации великомадьярской государственной идеи, каковая в перспективе подразумевала дальнейшее сужение сербской церковно-школьной автономии и постепенную ассимиляцию всех немадьяр. Поэтому идея автономной Воеводины, популярная у сербов-пречан еще с конца XVII в., и стала трактоваться венгерскими властями как откровенно враждебная, противостоящая единству Венгрии, а всякая попытка представить ее в качестве демократического стремления к национальному равноправию объявлялась деструктивной, противной духу времени и дуалистическому характеру нового государства⁶...

Столкнувшись с «новым курсом» венгерских властей в отношении сербского населения Транслейтании, его представители отнеслись к дуализации монархии Габсбургов по-разному. Так, консервативно-клерикальные круги, предводимые Джордже Стратимировичем, которые до 1867 г. связывали развитие венгерских сербов исключительно с имперским правительством и Двором, выступая

⁵ Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 330.

⁶ Микавица Д. Михаило Полит-Десанчић. Вођа српских либерала у Аустро-Угарској. Нови Сад, 2007. С. 173.

за переустройство Австрии на основах федерализма, в чем имели поддержку чешских и хорватских союзников, с провозглашением дуализма стали его сторонниками. Не желая терять былых позиций в сербском сообществе, но сознавая собственную слабость в условиях все усиливающегося противодействия либерально-гражданского слоя, и лишившись к тому же покровительства Вены, группа Стратимировича пошла на сближение с Пештом, становясь (чем дальше — тем больше) его послушным орудием⁷.

С другой стороны, активную деятельность развернули сербские либералы во главе со Светозаром Милетичем. В 1860-е годы они наладили связи с представителями венгерского либерального дворянства, а также сторонниками присоединения Далмации к Хорватии и Славонии в Загребе, и в 1866 г. сгруппировались вокруг основанной Милетичем в Будапеште газеты «Застава». С 1867 г. это самое популярное в Венгрии периодическое издание на кириллице выходило в Нови-Саде.

Поначалу Милетич и его сторонники были в принципе не против разделения Австрийской империи «надвое», полагая, однако, неприемлемой ту опцию, в рамках которой немцы и мадьяры оказались бы полновластными «хозяевами жизни» в своих частях страны. В стремлении обеспечить равноправие всех народов империи Милетич предлагал после введения дуализма установить в обеих ее частях федеративную систему с автономными правами для всех этнических меньшинств. И, в частности, в случае с сербами он настаивал на формировании в районах их численного преобладания отдельных жупаний, в которых его соотечественники получали бы административную автономию с соответствующей гарантией своих национальных прав; впрочем, и другим народам, проживавшим в них чересполосно с сербским населением, было бы обеспечено полное национальное и гражданское равноправие. Иными словами, Милетич открыто требовал территориально-политического обеспечения национальных интересов сербов в Венгрии, считая, что те не могут довольствоваться провозглашением одного лишь гражданского равенства, но что им должно быть обеспечено и признание коллективной идентичности, — при всем уважении государственно-политической супериорности

⁷ *Крестмић В.* Срби у Угарској. 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 278.

венгров. «Мы одновременно и сербы, и граждане», — любил повторять он⁸.

Когда же Милетичу не удалось добиться реализации своих целей, а швабы с мадьярами, поделив власть в империи, стали господствовать в Цислейтании и Транслейтании, чем низвели другие народы до положения неравноправных, ему не оставалось ничего другого, как вступить с Веной и Будапештом в бескомпромиссную борьбу, используя в том числе и трибуну венгерского Государственного собрания, депутатом которого он регулярно избирался. Тем более что и бывшие союзники — представители среднего венгерского дворянства — в борьбе за власть в Королевстве св. Стефана все более поворачивались к своим «нетитульным» соседям спиной, переходя на столь хорошо знакомые сербам рельсы откровенного шовинизма.

Эта активно-оппозиционная позиция вождя либералов пользовалась массовой поддержкой сербского сообщества Венгрии, в отличие от консерваторов и клерикалов, которые в своей соглашательской политике оказались изолированными от народа и его чаяний. Наблюдая за политическими «кульбитами» как бывших сербских федералистов во главе со Стратимировичем, так и прежних дуалистов Милетича, известный журналист и писатель, принадлежавший к консервативному лагерю, Эмиль Чакра записал: «Те, кто был федералистами, стали дуалистами; бывшие же дуалисты превратились в федералистов»⁹.

* * *

Основание «Заставы» положило начало консолидации ядра будущей либеральной партии пречанских сербов. Когда же мадьяры по Соглашению 1867 г. с Веной стали единственной господствующей силой на своей половине государства, а Закон о равноправии национальностей и положения Закона о сербской народно-церковной автономии (оба — 1868 г.) наглядно продемонстрировали, в каком направлении будет эволюционировать политика Пешта, сербы четко осознали, что, если они хотят обеспечить свою национально-политическую «особенность» в составе Венгерского королевства, подвергавшуюся явной опасности, то промедление в деле их политической самоорганизации «смерти подобно». В начале января 1869 г.

⁸ Там же. С. 284.

⁹ Там же. С. 279.

Светозар Милетич напечатал в «Заставе» статью «Основы программы сербской либерально-оппозиционной партии». А уже 28 января, т. е. спустя всего несколько недель, на конференции в Великом Бечкереке (ныне — город Зренянин в сербском Банате) было объявлено о конституировании Сербской народной свободолобивой партии (СНСП), принявшей текст Милетича в качестве своей программы, вошедшей в историю под названием «Бечкерекской».

Важно отметить, что занятые в основном проблемами (меж)национальных отношений, создатели Бечкерекской программы практически все свое внимание уделили защите национально-политической идентичности сербского и других немадьярских народов Транслейтании. Тем самым они сознательно задвинули на маргину социально-экономические вопросы, полагая, что их актуализация может только ослабить единство венгерских сербов.

Программа базировалась на трех основных посылах (наряду со «стандартными» пожеланиями гарантий универсальных буржуазно-демократических свобод). Во-первых, она демонстрировала жесткую оппозиционность в отношении как мадьяро-хорватской «Нагодбы» 1868 г., так и дуалистической системы в целом; ибо, с одной стороны, в ней признавалась только персональная уния между Веной и Будапештом, при отрицании введенных австро-венгерским Соглашением 1867 г. совместных институций (Делегаций и общих министерств), а с другой — поддерживались требования «хорватско-сербского народа» о полной автономии «Триединого королевства» в составе Транслейтании. Во-вторых, декларировала необходимость признания коллективных национально-политических прав за всеми немадьярскими народами Венгрии, введения административной автономии в местах их компактного проживания на уровне жупаний; обеспечения языкового плюрализма — т. е. разрешения использовать языки нацменьшинств в общинах и жупаниях, где те имеют большинство (в том числе для общения с государственной властью), в школе и высшей школе, а также в войсках — в зависимости от того, какой этнический элемент наиболее массово представлен в каждом батальоне. И, в-третьих, выступала против австро-венгерского (и вообще европейского) вмешательства в дела Балканского полуострова — особенно в борьбу христианских народов Османской империи за свободу; в случае же антитурецкой войны документ призывал «сербов монархии прийти на помощь своим кровным братьям на основании

договора наших предков, оставлявших за собой право содействовать освобождению своей старой Родины»¹⁰.

Бечкерекская программа получила единогласное одобрение делегатов конференции, на которой был сформирован и Центральный комитет СНСП, куда вошли Светозар Милетич, Йован Суботич, Михайло Полит-Десанчич, Миша Димитриевич, Лаза Костич и другие видные участники либерального движения. Добавим, что новой организации вскоре удалось заручиться поддержкой большинства сербского сообщества Венгрии — крестьянства, купечества, ремесленников, интеллигенции; таким образом, по широте своей социальной базы она более походила на народное движение, чем на политическую партию в узко-классическом смысле.

В ответ на принятие Бечкерекской программы и противники либерального направления, предводимые тем же Джордже Стратимировичем, предприняли попытку соорганизоваться. Так, в октябре 1869 г., используя финансовую помощь патриарха Карловацкого Самуила Маширевича и венгерского премьера графа Дьюлы Андраши, он основал в Нови-Саде лояльный мадьярским властям консервативно-клерикальный печатный орган «Српски народ». По оценке академика Василие Крестича, люди, которых Стратимирович привлек к выпуску газеты, «являлись обычными слугами сначала австрийского, а затем (после 1867 г. — *А.Ш.*) венгерского правительств, далеки от всякой мысли сотворить нечто такое, что могло бы привести их к конфликту со своими спонсорами»¹¹. И действительно, из-за поистине «коллорационистской» политики, злые языки в среде сербов прозвали издание Стратимировича «Турецким народом»...

Уже вскоре после своего основания СНСП достигла немалых результатов — ее делегаты заседали в венгерском Государственном собрании в Будапеште, хорватском Саборе в Загребе, сербских народно-церковных соборах в Сремских Карловцах, где постепенно перехватывали инициативу у представителей клерикал-консерваторов: так, например, на соборе 1869 г. либералы потребовали, чтобы на нем председательствовал один из избранных участников, а не патриарх, как это обычно бывало. Партия развернула борьбу и против

¹⁰ *Крестич В., Љушић Р.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 33–38.

¹¹ *Крестич В.* Срби у Угарској... С. 297.

консервативных властей Белграда. Вокруг «Заставы» группировалась не только сербская либеральная элита Транслейтании, но и оппозиция из Сербского княжества и болгарских земель. «Австрийские славяне как люди более образованные и некоторые княжеские сербы, добровольно удалившиеся в Австрию, — докладывал русский очевидец в Петербург, — ведут с сербским правительством ожесточенную журнальную войну»¹². Нови-Сад, таким образом, становился «глазом» всех недовольных в Венгрии и по соседству, и начало репрессий центра против них (нередко с молчаливого согласия, а то и по инициативе, Белграда) было вопросом времени.

И точно, после того, как Милетич, не выбирая выражений, обрушился в «Заставе» на хорватского бана Левина Рауха за отмену официального статуса кириллицы в Среме, государственный прокурор обвинил его в клевете на власть, а суд приговорил к году тюремного заключения. В 1870–1871 г. он содержался в «изоляторе» города Вац. Однако, «мученический» ореол вождя лишь усилил позиции его партии в сербском сообществе, и на Карловацком соборе 1872 г. она уже имела абсолютное большинство делегатов.

На этом пике популярности СНСП Джордже Стратимирович (опасаясь за окончательную деградацию своей политической линии) вновь попытался идейно и организационно дисциплинировать собственных сторонников. В конце 1872 г. он озвучил намерение «образовать умеренную, но либеральную и независимую партию», считая необходимым «оградиться как от опасного радикализма, так и от безусловного сотрудничества с центральным правительством»¹³. Дабы успешно реализовать свой план, Стратимирович покинул скомпрометировавший себя в глазах соотечественников «Српски народ» и объявил о скором выходе газеты «Српска политика». Параллельно он опубликовал политическую программу нового издания и одновременно будущей партии.

По сравнению с Бечкерекской программа Стратимировича носила куда более «скромный» характер. Так, австро-венгерское Соглашение 1867 г. и Закон о равноправии национальностей 1868 г., против которых со всей решительностью выступала СНСП, с одной

¹² Н. А. Снесарев — Д. А. Милотину. Белград, 20 декабря 1867 г. // Русские о Сербии и сербах. М., 2014. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А. Л. Шемякин. С. 46.

¹³ *Krestić V., Ljušić P.* Програми и статути... С. 68.

стороны, провозглашались как не отвечающие интересам сербского народа, но, с другой — принимались как свершившийся факт при условии их исправления и дополнения. И в положении о Восточном вопросе и его возможном решении нет той решимости к действию, чем отличалась Бечкерекская программа, хотя в нем и содержались пожелание освобождения христиан из-под власти полумесяца и даже обещание принятия «серьезных мер» по реализации «сербских традиций на Востоке, с целью объединения сербско-турецких областей». Кроме того, программа Стратимировича признавала территориальную целостность Королевства св. Стефана и все обязанности, которые законодательно возлагались на сербов как его граждан. В ответ она требовала обеспечения им всех прав, причем не только гражданских, но и национально-политических, а также неограниченной автономии в сфере церкви и школы.

Вместе с тем, несмотря на то, что в новопринятом Законе о коммунальных школах¹⁴ Стратимирович видел крайне опасное средство для ограничения автономии сербских народных школ и, соответственно, немалое препятствие к дальнейшему росту сербского национального сознания, он не призывал к *борьбе* против него, а лишь обещал печатно «действовать так, чтобы вытеснить из наших школ вредное влияние этого закона». Да и вообще, в этом умеренном и совсем не конфронтационном, а'la Бечкерек, документе, составленном в четко выверенных и взвешенных выражениях, явно виделось стремление создать партию и ее орган, которые смогли бы «умиротворить» сербское национальное движение, свернуть его с чреватого «проблемами» пути радикально-оппозиционного противостояния. Само понятие «борьба» автор программы упомянул лишь однажды, говоря о необходимости *бороться* за сохранение церковной автономии и ее достоинства, независимо от того, с какой стороны на них последуют

¹⁴ В 1868 г. Государственным собранием в Будапеште был принят закон о коммунальных (муниципальных и государственных) начальных школах, реализация которого должна была резко уменьшить число и снизить влияние сербских конфессиональных школ, находившихся в ведении Сербского народно-церковного собора. Поскольку в сербских конфессиональных школах язык преподавания был сербский, а образовательные программы не расходились с национальными и религиозными интересами сербского сообщества, то в новых коммунальных школах вводился венгерский язык преподавания, а программы выдерживались в венгерском же государственном духе. Соответственно, и цель принятия закона очевидна — воспитание сербских детей («с молодых ногтей») в венгерских традициях и постепенная их мадьяризация.

нападки». Во всех других случаях он использовал вполне нейтральные категории: «Мы будем настаивать всеми законными способами», или «мы будем стремиться», или «мы будем серьезно и с воодушевлением работать»¹⁵.

И все же, несмотря на свой явно «примирительный» характер, для истории политической мысли венгерских сербов программа 1872 г. представляется весьма значимой, поскольку в ней обнаруживаются зачатки будущей политики так называемых нотабилитетов, духовным отцом которой, как оказалось, и стал Джордже Стратимирович. Его национально-политические идеи, сформулированные в программе, оставались (когда — больше, когда — меньше) актуальными в общественной жизни сербского сообщества вплоть до начала Первой мировой войны. Особенно их актуальность возросла после отмены особого статуса Военной границы, в результате чего сербы, лишившись десятков тысяч хорошо вооруженных и обученных (при этом национально сознательных) соплеменников-граничар, на которых они всегда могли опереться, потеряли значение *военно-политического* фактора империи, кем являлись все время существования Границы. Еще большее значение идеи Стратимировича приобрели после Берлинского конгресса 1878 г. и его решений, когда стало окончательно ясно, что сербы Венгрии не имеют достаточных сил и условий для выполнения Бечкерекской программы, особенно в той ее части, что касалась Восточного вопроса.

Однако, несмотря на все свое немалое значение для идейной истории и теории, на практике «манифест» Стратимировича не получил широкой поддержки в сербском сообществе. Следствием чего стало то, что сербская «умеренно-либеральная» партия так и не появилась, равно как и ее печатный орган, о скором выходе которого столь много говорилось еще совсем недавно¹⁶...

Подведем промежуточный итог: либерально-гражданское движение возникло в сербской среде как альтернатива консервативной церковной иерархии. Его политическая организация — СНСП — активно боролась за голоса избирателей в немногочисленном электоральном поле (всего 2% населения допускалось к голосованию) и в

¹⁵ *Крестућ В., Љушић Р.* Програми и статути... С. 65–68.

¹⁶ *Крестућ В.* О Ђорђу Стратимировићу и његовом политичком програму из 1872. године // Зборник Матице Српске за историју. Нови Сад, 1978. Бр. 18. С. 48–49.

лучшие годы имела по три-четыре депутата в Государственном собрании. Невзирая на малочисленность, они, особенно в бытность их лидером решительного Светозара Милетича (вспомним хотя бы его символический кулак на памятнике работы Ивана Мештровича в центре Нови-Сада!), оставляли заметный след в работе каждой сессии парламента, в отличие от иных сербских депутатов, избираемых от венгерских партий и лояльных Будапешту. В верхней палате Госсобрания заседали Карловацкий патриарх и восемь епископов, столь же, как правило, конформистски настроенные в отношении центральных властей.

Этот всплеск либерального движения в среде венгерских сербов в последней трети XIX в. был явно не случайным. Он опирался на выросший в ней мощный слой средних землевладельцев и относительно высокую для той эпохи степень урбанизации сербского населения (так, в 1900 г. в городах проживали 17,5% оного, а десять лет спустя — на процент больше). Если к тому присовокупить уровень грамотности, характерный для соплеменников с «европейского» и «турецкого» берегов Савы и Дуная, и, что самое главное, — зияющий в нем разрыв¹⁷, то станет совершенно ясно, почему такой пронизательный наблюдатель, как, например, Л. Д. Троцкий, в начале XX в. подчеркивал: «Политические партии в Сербии представляют собой не органические образования, а “искусственные сообщества, заимствовавшие свои наименования из европейской политической терминологии”»¹⁸ (цитата внутри его высказывания есть фраза из работы великого сербского — из Белграда — ученого и политика Стояна Новаковича¹⁹). И еще: «Для претворения политических формул либерализма в действительность в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»²⁰, т. е. тех базовых объективных предпосылок (что в объеме «среднеевропейского» набора уже имелись

¹⁷ Для пушей наглядности сравним степень женской неграмотности в «австрийской» и «турецкой» Сербии в начале XX в. Если на севере были неграмотны 41, 66% женщин (*Ђирковић С.* Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 239), то на юге всего 9% могли написать свою имя и фамилию (*Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 188).

¹⁸ *Троцкий Л. Д.* Стоян Новакович // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 66.

¹⁹ *Новаковић С.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 80–81.

²⁰ *Троцкий Л. Д.* Стоян Новакович... С. 62.

у сербов-пречан!), без которых партийное строительство, т. е. «использование готовых европейских форм» превращалось в *имитацию* или «политический и идейный маскарад», столь привычный для «запоздалых народов»²¹.

Между собой сербские партии Венгрии, как правило, сталкивались на выборах членов Соборного совета и иных органов церковно-школьной автономии — именно через них осуществлялось управление церковным имуществом и распределение средств из многочисленных фондов и задужбин. И случалось, что дело доходило до серьезных склок между политиками и церковной иерархией, которая ощущала опасность от вмешательства «чуждых» сил в свои, казалось бы, «незыблемые» прерогативы. Всё усиливавшееся влияние мирян, совсем по протестантскому образцу (начиная с 1871 г. на 25 духовных лиц при выборах на собор приходилось 50 мирян²²), было явно не в традициях православной церкви. А между тем, партии начали вмешиваться даже в выборы патриарха; впрочем, тем же самым занималась и государственная власть, требовавшая от кандидата знание венгерского языка (как на выборах 1907 г.). Деятельность церковных иерархов оценивалась теперь по партийно-политическим критериям, так что сербские патриархи конца XIX — начала XX в., особенно Герман Анджелич (1881–1888) и Георгие Бранкович (1890–1907), несмотря на все их заслуги в развитии церковной жизни, нередко клеймились «общественностью» как слуги режима. Самым тяжким последствием такого межсербского «клинча» стало отстранение органов церковно-школьной автономии от выполнения своих функций в 1912 г.²³... Но вернемся назад, к моменту появления первых трещин в едином до тех пор сербском либеральном «монолите».

* * *

Отправным пунктом длившейся целое десятилетие и закончившейся расколом СНСП «распри» стал 1873 год, когда Светозар Милетич открыто обвинил в «Заставе» своего коллегу по фракции в венгерском Государственном собрании Нико Максимовича

²¹ Там же. С. 63.

²² *Филлимонова А. И.* Хорватские земли и Воеводина // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 114.

²³ *Бирковић С.* Срби међу европским народима... С. 237–238.

в полной парламентской пассивности. И это на фоне начавшейся властью годом раньше, в лице королевского комиссара Ласло Майтени, очередной кампании против сербских институций — церковных общин, Новисадской гимназии и Матицы сербской. В такое время, по мнению Милетича, как никогда были необходимы единодушие и стойкость всех сербских учреждений и политиков, в первую очередь, заседавших в парламенте, хотя бы потому, что они защищены иммунитетом, в отличие, скажем, от общин или церковных иерархов, подвергавшихся давлению сверху и потому часто вынужденных помалкивать. Политически крайне амбициозный Н. Максимович изначально не был согласен с Бечкерекской программой СНСП, однако в условиях, когда влияние партии в сербском сообществе, как и личный авторитет Милетича, находились в зените, он не желал выступать против них открыто, опасаясь, что это может привести к закату его политической карьеры. Вот и давал он Милетичу понять о своем нежелании следовать его политике упорным молчанием в венгерском парламенте.

С другой стороны, отказываясь высказаться прямо, «диссидент» в своем стремлении подорвать незыблемые позиции вождя начал плести интриги против него внутри самой СНСП. В партийных кулуарах он постоянно доказывал, что Милетич — «единственная причина всех зол и несчастий, которые мы претерпели от властей». Признавая его заслугу в том, что он когда-то сформулировал Бечкерекскую программу, Максимович тут же отыгрывал назад: «Впрочем, никакая это не заслуга — создать программу», ее ведь надобно еще и реализовать. Повторяя, что в любой момент готов выдвинуть платформу, «которая в наибольшей степени отвечала бы интересам нашего народа», Максимович упрекал Милетича в том, что тот «своей негибкой политикой уже загубил Нови-Сад», что скоро так же загубит и Панчево; и только Сомбор (откуда Максимович избирался депутатом) идет вперед, благодаря более умной тактике, какую используют он и его друзья²⁴.

Как только Милетич узнал о тайных нападках своего *partiegenosse*, он снова осудил его в «Заставе»: «Отказываясь от открытой дискуссии, но тайными интригами и хулой, возводимой на меня, Максимович “созидает” какую-то никому не ведомую, *более умную* тактику».

²⁴ *Крестич В.* Срби у Угарској... С. 330–333.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ
Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018)

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 3 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 11.06.2020).

Корректор *В.И. Сайфутдинова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Обложка *П.К. Донской, И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 09.09.2020. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 27. Тираж 500 экз. Заказ № 2204

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Коллективный труд посвящен памяти сотрудника
Института славяноведения РАН Андрея
Леонидовича Шемякина (1960–2018).

В работах рассмотрены вопросы истории
славянских народов и России в XVIII–XXI вв.,
а также научный вклад А. Л. Шемякина.

Авторами выступили сотрудники Института
славяноведения РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова,
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского и Института новейшей
истории Сербии (Белград). Книга продолжает
инициированный А. Л. Шемякиным научный проект
«Человек на Балканах» (2002–2016), в фокусе
которого находился процесс модернизации
на Балканах в Новое время (после 1878 г.).

ISBN 978-5-4469-1772-3

9 785446 917723